

6+

Колокольчик для ветра

История, написанная для вас

АЙДЕТОПИСЬ

Колокольчик для ветра

История, написанная для вас

6+

Глава 1. Тишина на крыльце

Тоша проснулся и сначала не понял, что не так. Полежал, поморгал на потолок. Обычно по утрам занавеска шуршала, как бумажный кулёк, а с крыльца доносилось: «динь-дилинь». Сегодня не шуршало и не дилинькало. Было так тихо, что в ухе стало слышно тоненькое «и-и-и».

Занавеска висела прямо, как линейка.

– Ну-у, – сказал ей Тоша. Занавеска не ответила.

Он сунул ноги в сандалии с потёртыми носами, надел панамку, хотя был ещё в доме, и вышел на крыльцо. Доски под ногами были тёплые. Колокольчик висел под козырьком и не качался. Тоша дёрнул за верёвочку.

«Дук», – сказал колокольчик. Как будто говорил с полным ртом каши.

Тоша поднял глаза. Листья на яблоне висели каждый сам по себе, будто их нарисовали. На берёзе тоже. Он подул на ближнюю ветку. Ветка даже не подумала. Ему стало любопытно и немножко странно, как бывает, когда в знакомой комнате переставили стул. Не страшно. Просто очень странно.

На кухне пахло молоком и тёплым хлебом. Бабушка Лида, в светлом платке и фартуке с карманами, резала хлеб.

– Бабушка, а почему всё замолчало?

– А что замолчало? – спросила она.

– Всё. Колокольчик. И листья. И даже занавеска.

Бабушка налила молока в кружку и поставила перед ним.

– А кто у нас возле дома живёт, без рук звенит, без ног бегают?

– Кто?
– Это я тебя спросила.
– Ну-у, ба-а... – Тоша почесал вихры. – Ты знаешь, да?
– Пей молоко, – сказала бабушка, и морщинки у её глаз собрались в лучики. – А то оно обидится.

Тоша пил и думал. Без рук звенит – колокольчик? Но колокольчик не бегаёт. Он висит. Тоша допил, вытер молочные усы и пошёл проверять.

Сначала потрогал язычок колокольчика: на месте, медный, холодный. Потом заглянул под крыльцо. Там пахло сырой землёй, лежала старая лейка, и больше не было никого. В огороде он присел у грядки с укропом.

– Вы устали? – спросил он шёпотом.

Укроп молчал, как и положено укропу.

Тоша сел на ступеньку. Колокольчик не сломан. Листья не устали, они вообще ничего не делали. Тогда что?

И тут он вспомнил вчерашний вечер. Он собирал картинку из кусочков, а занавеска всё была по подоконнику и шумела, и в щели что-то посвистывало, и кусочки съезжали. Тоша сказал: «Ну хватит!» – и захлопнул окно. Ещё и шпингалет задвинул. Тогда ему показалось, что за стеклом кто-то вздохнул, но он не стал прислушиваться.

Уши у него стали горячими. Он поправил панамку, хотя она не съехала.

Тишина началась после окна. Он это точно знал.

На пороге показалась бабушка с полотенцем на плече.

– Нашёл?

– Не знаю, – сказал Тоша. – Может. Ну-у... нет.

– А где у нас в доме много старых вещей? – сказала бабушка, как будто разговаривала с полотенцем. – Куда вчера залетело всё, что не пускали?

И ушла обратно. Тоша посмотрел вверх, на маленькое круглое окошко под самой крышей. Потом встал.

Глава 2. Узлы на чердаке

Лестница на чердак скрипела на каждой ступеньке по-своему. Первая говорила «ик», вторая «крях», третья тянула длинное «э-э-э». Наверху пахло тёплым деревом и пылью. Стояли сундук, кресло без одной ножки, лыжи и корзина с ёлочными шарами. Через круглое окошко падала полоса света, и в ней плавали пылинки. Они не летали по чердаку, как им полагалось. Они кружились на одном месте, маленьким кружком, будто кто-то держал их за нитку.

Тоша пошёл туда, куда кружились пылинки. В углу лежал клубок из жёлтой бумаги, палочек, верёвок и тряпичных бантиков. Тоша узнал воздушного змея: старого, с нарисованной улыбкой. Хвост у змея был закручен вокруг палочек в три узла. Клубок топорщился и вздрагивал. Внутри него что-то сопело.

– Кто тут? – прошептал Тоша.

Клубок вздохнул. Бантики на хвосте зашуршали, первый раз за всё утро. Потом из бумаги донёлся тоненький, обиженный голосок:

– Летел я в гости, шёл, шалил, А мне окошко – хлоп! – закрыл. Я на чердак, да вот беда: Запутался. Сижу тут. Да.

Тоша стоял и смотрел на клубок. Вчера он захлопнул окно. Сегодня колокольчик молчит и листья стоят. А внутри змея сидит тот, кому окно захлопнули. Значит, так вышло из-за него, из-за Тоши, а не из-за кого-нибудь другого.

Ему захотелось сбежать по лестнице, «ик-крях-э-э-э», к бабушке, к молоку, к укропу. Ноги даже повернулись к двери. Но Тоша не пошёл. Он присел рядом на корточки, так что панамка стукнула о колено.

- А... - сказал он совсем тихо. - А с какого конца тебя распутывать?

- С хвоста, - сказал клубок. - С хвоста всегда лучше. Только осторожно, я щекотки боюсь.

- А ты кто? - спросил Тоша и потянул за бантик.

- Ветер я. Ну, ветерок. Маленький ещё. Шу меня зовут. - Змей чихнул, и по чердаку пробежала лёгкая пыль. - Вчера к тебе торопился, хотел занавеской пошуршать. А ты: «Ну хватит!» Хлоп. Я и залетел сюда, в змея. Он тут лежал, пустой, вот я и...

- Прости, Шу, - сказал Тоша и покраснел до самой панамки. - Я картинку собирал. Кусочки съезжали.

- Они всегда съезжают, - вздохнул ветерок. - Такая уж у них работа.

Первый узел не поддавался. Тоша сопел, ковырял его ногтем, потом зубами не стал, потому что бабушка не разрешала. Он дёрнул за петельку изо всех сил, и узел затянулся ещё туже. Змей жалобно пискнул: «Ай! Не дёргай, он от этого только злее!» Тоша отдёрнул руки. Хотелось махнуть на всё рукой, но он вздохнул, подождал и стал не тянуть, а понемножку поддавать, как когда развязываешь мокрый шнурок. Узел помедлил и вдруг разошёлся.

- Один! - сказал змей. - Хорошо. Ниже щекочет.

Второй узел был совсем крошечный, с горошину, и такой тугой, что Тоша вспотел под панамкой. Он прищурился и держал его двумя пальцами, как бабушка держит иголку. Бумага на боку у змея надулась и затрещала. - Тише, - прошептал Шу. - Порвёшь, и я тут так и останусь. - Не порву, - сказал Тоша, хотя сам не был уверен. Узел всё-таки сдался. Третий зацепился за гвоздь в балке, и Тоше пришлось встать на цыпочки и тянуться, пока пальцы не задрожали.

Последняя петля затянулась так, что Тоша на секунду подумал: не выйдет. Пальцы ныли. Клубок затих, только бантик на конце хвоста мелко дрожал. – Ты как? – шёпотом спросил Тоша. – Держусь, – тоненько ответил Шу. – Не бросай. – Не брошу, – сказал Тоша и подцепил петлю ногтем. Она соскользнула. Хвост распрямился и повис, а у Тоши перед носом вдруг зашевелилась чёлка.

– Ф-фу, – сказал ветерок и вылетел из змея, как из рукава. – Простор!

Круглое окошко под крышей стукнуло, распахнулось. Внизу, во дворе, звонко, на весь дом, отозвалось: «Динь-дилинь!»

Тоша побежал вниз: «ик-крях-э-э-э». Занавеска на кухне шуршала, как целый мешок кульков. Бабушка Лида стояла у окна и не оборачивалась.

– Ба, – сказал Тоша, – а окно можно теперь всегда чуть-чуть открытым?

– Щёлочку, – кивнула бабушка. – Гостю же надо где-то войти.

Глава 2. Змей, стишок и открытое окно

Змей лежал у слухового окна, и его хвост из тряпичных бантиков шевелился сам по себе, хотя окно было закрыто. Так не бывает, если нет ветра. Это обиженный Шу забился в змея и запутался в нём. Тоша присел на корточки. В косом луче пылинки сбились в кучку и топорщились, как ёжик.

- Ты тут? - шепнул он.

Пылинки дрогнули. Из-под бумажного крыла донеслось сердитое сопение.

- Шу в узлах и не у дел, Шу и знать вас не хотел. Ты не лезь, не подходи, Лучше окна погляди!

Голосок был тонкий, шепелявый, а на последней строчке дал петуха. Тоша почувствовал, как у него горят уши. Пахло тёплыми досками и старой бумагой, где-то внизу гремела кастрюлей бабушка. Всё было как обычно, только ему хотелось стать маленьким, как пылинка, и куда-нибудь закатиться.

- Тебя зовут Шу? - спросил он.

- Ну, Шу. А тебе что?

- Ничего, - сказал Тоша. - Я не знал, что ветру бывает обидно. Я думал только про шум. Он мне мешал, а про тебя я не думал.

Пылинки замолчали. Хвост змея перестал шевелиться.

Тоша решил, что надо быстро, пока не расхотелось. Он схватил верёвку и потянул. Петля затянулась туже. Он дёрнул с другой стороны, и второй узел лёг поверх первого, как лишний слой на бутерброде. Что-то тонко вздохнуло: «Ш-ш-ш-ах», и весь комок пылинок сжался ещё

сильнее. Бумага на змее сморщилась и жалобно хрустнула. Ещё один рывок, и она порвётся.

– Ну-у, я же не хотел, – пробормотал Тоша.

Он увидел, что стало хуже, и внутри у него всё сжалось. Сейчас он крикнет: «Ба, тут змей запутался, я не знаю как!» Бабушка поднимется, всё распутает, и никто не спросит, кто вчера задвинул шпингалет. Он даже набрал воздуха, но крикнуть не успел. Снизу, из кухни, раздался бабушкин голос, спокойный, как всегда. Она не поднималась и не спрашивала, что там у него.

– Тошенька! А что делают, когда обидели друга?

Тоша выпустил воздух, и никакого крика не вышло. Он посидел, потрогал носок сандалии. Потом сел рядом со змеем, по-турецки, и положил верёвку на колени.

Первый узел был тугой, с горошину. Тоша поддел его ногтем и не стал дёргать. Верёвка чуть подалась, потом ещё. Он придерживал бумагу пальцем, чтобы не порвалась, и держал каждую петлю так осторожно, будто она была из молока и могла пролиться. Второй узел сдался не сразу: Тоша сопел, терял петлю, начинал сначала, и только когда перестал на него сердиться, узел ослаб. Третий сидел глубоко под крылом и упирался. Пальцы вспотели, бумага снова затрещала, и Тоше отчаянно захотелось дёрнуть. Он зажмурился, выдохнул, лёг на пол щекой на доску и стал вытягивать хвост по сантиметру.

Комок пылинок помаленьку расправлялся. Они уже не торчали иголками, а плавали в луче ленивой кучкой, поднимались и опускались. Шу больше не сопел.

Последняя петля упиралась дольше всех, а потом вдруг выскользнула и повисла на его пальце. Змей лежал ровно. Хвост мягко лёг на пол.

Тоша сел. Слова, которые он придумывал по дороге на чердак, куда-то делись. Остались другие.

– Я вчера закрыл окно, – сказал он и запнулся. – Ну-у... захлопнул. Мне шум мешал, я картинку собирал, а она рассыпалась. Я разозлился на тебя. А ты просто... ты же не нарочно. И теперь мне стыдно. Тебе было обидно, а я даже не подумал. Ты прости меня, пожалуйста.

Он смотрел на свои сандалии и ждал. Пылинки не двигались, внизу затихла кастрюля. Секунда тянулась долго, потом другая, и Тоше показалось, что прощения не будет.

Потом в луче что-то закружилось, сначала медленно, потом быстро, и на весь чердак раздался хохот, заливистый, с шипением и хрюканьем.

– Шу прощает, Шу не злой, Позови играть с собой!

Тоша улыбнулся так широко, что заныли щёки. Он вскочил, подбежал к окну, отодвинул шпингалет, тот самый, вчерашний, и распахнул створки настежь. Тёплый воздух хлынул на чердак, пахнувший травой и рекой. Занавеска взлетела и зашелестела, как большая птица.

Шу мигом вылетел из чердачного окна, и внизу, на крыльце, снова звякнул колокольчик.

– Ба, мы идём в поле! – крикнул Тоша, схватил змея и загремел сандалиями вниз по лестнице. Бабушка Лида вытерла руки о фартук, взяла катушку, и вот они уже вдвоём запускали змея в поле, а Шу подхватил его и понёс к облакам.

Об издании

Текст создан с помощью ИИ по заказу читателя. Для личного чтения.

Возрастное ограничение: 6+